

ПОЛЕ действия артиста Ираклия Андроникова расширялось concentрически. Все, как известно, началось с дружеских застолий. Персонажи его ранних пародий — знаменитые писатели, актеры, музыканты — сидели рядом с артистом. Они озадаченно убеждались в точности имитаций — так тогда назывались эти маленькие представления, — охотно смеялись друг над другом, смущенно посмеивались над собой. Потом он стал выступать перед аудиторией более широкой, но все-таки, как принято говорить, специфической — в литературных и театральных клубах Ленинграда и Москвы. После этого не сразу решился выйти к «обыкновенным» зрителям, и оказалось, что интересное узкому кругу профессионалов искусство может стать интересным для всех, если отвечает одному закону творчества, о котором несколько ниже. И вот, наконец, Андроников сел за столик перед телекамерой. Тут его аудитория расширялась безмерно.

Что входит сегодня в сложное целое — «феномен Андроникова», — явление неповторимое и, однако, такое характерное для телевизионного искусства вообще?

Да хотя бы та короткая душевно-дружеская дистанция между артистом и зрителями, которая установилась в его юности и сохраняется на телевидении. Его зрители-слушатели сидят также рядом с артистом или напротив, глаза в глаза, словно застолье продолжается, только круг его расширился не-обозримо. Слово артиста давно предусмотрительно «отрабатывал» этот чисто телевизионный ракурс.

Театр и эстрада все-таки приподнимают артиста, а с ним и героя на подмостки: кинематографический крупный план, как ни изощряется оператор, делает его Голливудом перед лилипутами — недаром многие современные режиссеры старательно избегают крупных планов. А телеэкран с первых дней своего существования позволяет сберечь эффект наибольшей реальности, недоступный в такой мере ни театру, ни кинематографу.

У Андроникова была блестящая возможность стать актером театральным. Но он не стал. Однажды Мейерхольд, услышав восторженные отзывы о ленинградском «имитаторе», попросил его выступить перед актерами своего театра. Андроников выступил великолепно, и Мейерхольд тут же, сразу после выступления, распорядился по-режиссерски — Андроникову была вручена тетрадка с ролью Олега Баяна из «Клопа». Как быстро нашел Мейерхольд применение таланту Андроникова, не правда ли? Олег Баян, человек старого мира, пытающийся пролезть в новый мир в качестве наставника по вопросам красоты и светского поведения, — роль по сути своей пародийная. Кому же, как не Андроникову, играть ее? Она написана ядовито, но весело, есть ли другой актер, кому она так сподручна? Наконец, поработать под руководством выдающегося режиссера — разве не сильнейшее искушение? Из-за одного этого стоило бы оставить на время папки с литературоведческими трудами. Но Андроников, почтительно поблагодарив Всеволода Эмильевича за честь, решительно отказался. Почему? Лучше всего отвечает на этот вопрос то обстоятельство, что и в других театрах, у других режиссеров Андроников никогда ничего не сыграл. Хотя восхищались им все режиссеры.

Он артист, но не театральный — вот в чем дело. Он актер на роли непременно «документальные», с реальными прототипами, притом с прототипами, ему лично и близко знакомыми. На роли с мемуарными строками. Потому-то и робел он, долго не решался выйти к «обыкновенному» зрителю. Ему казалось: не зная лично «прототипов», не мог этот зритель оценить меткости зарисовок, удостовериться в точности имитаций. Многие ли знали «повадки» Алексея Толстого как гостеприимного хозяина дома, многие ли видели Качалова в быту?

Но первые же представления показали — зрители убежденно, с наслаждением говорят: «Похож!», «Как живой!», даже тогда, когда не могут лично сравнить оригинал с портретом. Здесь некая эстетическая загадка, и я однажды спросил Ираклия Луарсавовича, что он об этом думает, почему уверенность в правде образа возникает у зрителей даже тогда, когда сравнение оригинала с портретом невозможно? Он отве-

люди искусства

Глаза в глаза

Я. ВАРШАВСКИЙ

тил, что и его в свое время занимала эта загадка, и еще перед войной он беседовал на эту тему с литературоведом Б. Александровым. Александров обратил его внимание на то, что еще драматург Шаховской, соавтор Грибоедова по водевилу «Замужняя чевеста», размышлял о портретах живописных: «Мы не знаем, с кого они писаны, но уверены, что они похожи».

Но почему же уверены?

В Москве недавно закрылась выставка имевшая у посетителей успех чрезвычайный. — выставка русского портрета. Целые дни толпились на ней люди всех возрастов и профессий. Трудно было не засмотреться на самих зрителей — они подолгу оставались как бы наедине с

Н. Ф. И.». На это требовалось более часа, и режиссура боялась, что зрители заскучают. Если бы мы быстрее и точнее осознавали, как меняются представления зрителей о том, что интересно и что неинтересно, в чем видят они действие и бездействие фильма, как помогло бы это расширять горизонты всех искусств, телевизионного в том числе! Телезрители обнаружили в неторопливо рассказанной истории приключения мысли. И такие приключения ничуть не менее увлекательны для массовых аудиторий наших дней, чем похождения разведчиков и контрразведчиков. Если, конечно, мысль проходит непростой путь исканий, догадок, удач и неудач, терзаний и побед.

портретами людей двух веков, вживались в них. Они словно перевоплощались — мысленно — в персонажей больших полотен и изящных миниатюр. Художественный образ подобен живому организму, если это в самом деле художественный образ. Он обладает способностью жить самостоятельной жизнью, как бы отделившись от прототипа, вобрав в себя его духовную сущность. Это объясняет также и «феномен Андроникова», чье творчество интересно зрителям колоссальных аудиторий ничуть не меньше, чем первым его зрителям-слушателям. Образ живет, как живет самостоятельный организм, если все в нем взаимосвязано, если часть выражает целое, а целое формирует часть. Наше образное мышление непременно схватывает эту цельность, эту органичность мгновенно, подобно тому, как мгновенно отличает живое от неживого, и испытывает наслаждение, проделав эту быструю, тонкую операцию. Потому-то мы и можем судить, правдив ли образ. Правдив, если живет своей жизнью.

Вот эта жизненность образа и захватывает нас. А не точность имитаций.

Бесчисленное множество живых характеров — как на выставке русского портрета — предстает перед нами в телевизионных передачах, носящих общее название «Слово Андроникова».

Поучительна история перенесения на телеэкран лучших рассказов Андроникова — поучительна тем, что позволяет подсмотреть, как эстетические предубеждения не сразу уступают место новому в искусстве, даже если новое очевидно талантливо. Первые работники телевидения долго не решались представить Андроникову возможность подробно, без больших купюр, рассказать с телеэкрана повесть о юношеской любви Лермонтова — знаменитую ныне «Загадку

Любопытно и такое обстоятельство: Михаил Шапиро, опытный режиссер «Ленфильма», согласившись экранизировать «Загадку Н. Ф. И.», прежде всего начал искать исполнителя роли... Ираклия Андроникова. Как так, скажете вы сегодня, почему замечательного артиста Андроникова должен играть кто-то другой? Режиссер и оператор полагали, что у самого Андроникова внешность не экраногеничная — тяжелый профиль, маленький рот, узкий разрез глаз... Жесток, неуступчив свод требований опытных профессионалов! И на другие роли, кроме центральной, подбирали исполнителей — и нашли Ростислава Плятта, Серафиму Бирман. Они чудесно сыграли жителей старой Москвы, спасибо им, но как странно все же отказаться от того, что доставляет зрителям такое редкостное наслаждение, — от поразительной способности Андроникова мгновенно и полно перевоплощаться без грима.

Заметим, что и сам Андроников не мог освободиться от некоторых предубеждений — ему казалось, например, что персонажей старой Москвы надо поместить в соответствующие декорации, пусть легкие, условные, контурные. А сегодня мы, глядя телецикл «Слово Андроникова», не испытываем ни малейшего неудобства от того, что никаких декораций, даже «силуэтных», здесь нет. Тем более блистательно показывает себя перевоплощение без вспомогательных атрибутов. Тем более наглядно проявляет себя творческая сила артиста.

Что несет Андроников зрителям в своих перевоплощениях?

Он артист особенный, со своими репертуарными пристрастиями. Он влюблен в людей талантливых, — их и играет. Притом с юмором неискраемым. Юмор Андроникова отличается той осо-

бенностью, что высвечивает благородные человеческие характеры, наилучшие человеческие черты — будь то характер Василия Ивановича Качалова или замечательно-го командира Чанчибадзе. Это редкость в юмористике. Персонажи Андроникова становятся в его воплощении еще более обаятельными и привлекательными, их больше любишь. Сколько замечательных людей миллионы зрителей лучше узнали и сильнее полюбили благодаря искусству этого артиста! Горький, Маршак, Всеволод Иванов, Блок, Шкловский, Соллертинский, Остужев, Яхонтов — всех не перечислишь... И тот же Чанчибадзе выглядит в рассказе Андроникова истинным художником своего дела — иначе, наверное, Андроников не смог бы рассказать о нем. И сторож лермонтовской могилы Андрей Ефимович Исаев оказывается значительным лицом исторической драмы. Всего лишь сторож — не Качалов и не Остужев, но вы волнуетесь, смеетесь, размышляете о судьбах поэта и поэзии. Помните, как говорит Исаев о встрече погибшего поэта в селе: «Выбежали мы навстречу...» Замечательно тонко подмеченное и будто курсивом выделенное слово — *мы*. Слово, и сам он тогда выбежал на околицу лермонтовского села с родичами, земляками. И о бабушке Арсеньевой, о ее барском своенравии Исаев говорит с ощущением принадлежности к вековому крестьянскому *мы*. Ощущаясь органичностью образа Исаева и потому думаешь о нем: как живой!

Совсем живыми явились нам в андрониковских представлениях многие люди пушкинско-лермонтовского круга: люди высокой духовной культуры, создатели этой культуры. И каждый смотрит на нас глаза в глаза. Так приобщаемся мы к миру декабристов, к неповторимым, обаятельным отношениям лицейских друзей-однокашников, к атмосфере квартиры на Мойке, дома Нащокина, Михайловского, Марфина, Муранова. И опять-таки обо всем и обо всех рассказано так, что юмор пронизывает и самые серьезные кульминации рассказов. Что ж, их герои сами любили посмеяться и над собой, и друг над другом, не терпели чванства, справедливо полагая его невоспитанностью и несвободой.

И все — разные. Андроников сам, кажется, удивляется чуду артистического перевоплощения. Он писал: «Пусть это не покажется странным, я многому научился у тех, в образы которых «внедрялся». Так я научился председательствовать на собраниях, «думая за Фадеева»... Что же касается И. И. Соллертинского, то в его образе я могу быть и «быстроумным», и остроумным, отнюдь не обладая этими качествами в той мере, в какой был наделен ими легендарный по уму и талантам Иван Иванович».

Удивительно, редкостно, не правда ли? А что, если именно здесь мы коснулись не редкостного, а всеобщего человеческого свойства?

Может быть, то, чем обладает Андроников в такой исключительной мере, в других мерах присуще каждому смертному? И, может быть, его телевизионные выступления более всего интересны тем, что будят, дразнят, стимулируют творческие способности самих зрителей? Ведь что такое перевоплощение, как не всеобщая способность постигать, улавливать, воспроизводить строй души другого человека.

Художнику в высокой, даже чрезвычайной степени свойственно то, что присуще каждому из нас, — иначе художник был бы невозможен. Талантливые живописцы пробуждают страсть к живописи у миллионов людей, певцы рождают певцов, писатели писателей — представьте же себе, сколько безвестных пока андрониковых породил Ираклий Луарсавович Андроников.

Наверное, каждое новое искусство, по сравнению с уже известными — это новый способ улавливать общественно-интересное и важное в жизни, новое средство проявлять всеобщую человеческую талантливость. Телевидение маневреннее кинематографа — оно способно сделать артистом, пусть на один вечер, в одном мини-представлении, каждого, если поставит перед ним захватывающую задачу, как это бывает, скажем, в передачах «От всей души».

Кто-нибудь изобретет неизвестный еще жанр, способный обнаруживать в людях, сидящих перед телевизорами, новых и новых андрониковых...

Фото Е. Халдея.